

Глава 13

Рука Гу Ли надолго замерла в воздухе. Он всматривался в безмятежное лицо спящего юноши, пытаясь убедить себя, что ему просто послышалось.

Однако маленькому племяннику этого показалось мало. Потеревшись горячей щекой о его руку, он глупо хихикнул во сне и выдал следующую фразу:

— Такой большой...

«...»

В этот раз списать всё на слуховую галлюцинацию было невозможно. Гу Ли посмотрел на юношу, и в его обычно бесстрастном взгляде промелькнуло нечто среднее между недоумением и острым любопытством.

С виду племянник казался сущим ангелом. Тонкая белая шея, выглядывающая из-под воротника, просвечивала нежной сеточкой голубоватых вен. Свернувшись калачиком на диване, он напоминал едва распустившуюся ивовую ветвь, на которой всё ещё дрожат капли утренней росы.

Когда пальцы мужчины коснулись его рта, губы юноши оказались влажными и удивительно мягкими. Яркие от природы, они чуть приоткрылись, слегка втянув палец внутрь, а горячее дыхание коснулось самой кожи.

Гу Ли окончательно зашёл в тупик.

О чём же на самом деле грезит этот ребёнок?

Сон Ду Юньтина был глубоким и путаным. Ему грезились волны — одна за другой, они накатывали, заставляя всё тело нежиться в истоме от корней волос до самых кончиков пальцев. И в каждом вдохе он чувствовал благоухание господина Гу, смешанное с тонким ароматом табака.

Проснувшись, Юньтин некоторое время пребывал в прострации. Он долго рассматривал потолок, прежде чем память вернулась к нему.

Юноша выдохнул на ладонь и уловил едва заметный запах дыма.

...Неужели он пропитался запахом господина Гу?

Лежа в постели, Ду Юньтин счастливо перевернулся на другой бок.

«Как же хорошо-то, эхе-хе...»

[Рано радуешься, — ледяным тоном отозвалась Система №7777. — Вчера ты разговаривал во сне]

Юньтин замер.

«Чего?»

«Врёшь, — он пренебрежительно отмахнулся. — Я никогда не болтаю во сне»

Двадцать восемь лишь коротко хмыкнула. Это многозначительное «хм» заставило хоста нешуточно занервничать.

«И что же я сказал?» — осторожно уточнил он.

[Да так, ничего особенного]

Юньтин облегчённо выдохнул.

[Просил его переспать с тобой. Ну и ещё упоминал, какой он большой]

Ду Юньтин мгновенно поперхнулся собственной слюной.

...Что?!

Твою мать, он что, выдал всё сокровенное прямо в лицо?!

Трус Ду почувствовал, как по спине пробежал холодок. Кажется, дело пахло керосином.

«Сяо Лю, почему ты меня не предупредила?!»

[А как бы я это сделала? — резонно возразила Система. — Как мы, приличные системы, могли знать, что именно тебе снится, когда ты с красным лицом бормочешь про «большого»? Тут никакие предупреждения не помогут]

[Разве ты не «воды озера Хунху», где волна гонит волну? Ну вот, поздравляю: тебя только что прихлопнуло собственной же волной прямо о берег]

Юньтин явственно расслышал в её электронном голосе неприкрытое злорадство.

Кое-как справившись с одеждой и приведя себя в порядок, он спустился вниз. Гу Ли уже сидел за обеденным столом. В этот раз мужчина, вопреки обыкновению, не спешил в офис. Он мерно постукивал длинными пальцами по столешнице, и каждый этот звук отдавался в сердце Юньтина тревожной дробью.

— Проснулся?

— ...Угу...

Ритмичный стук пальцев прекратился. Гу Ли вскинул веки и пристально посмотрел на него.

— Что тебе вчера снилось?

Ду Юньтин набрал в грудь воздуха, но тут же струсил. Нервно теребя пальцы, он принялся на ходу сочинять оправдание:

— Мне приснилось... будто я превратился в подушку!

Двадцать восемь опешила от такой наглости. А юноша, внезапно поверив в собственную ложь, вдохновенно продолжил:

— И новая наволочка оказалась мне великовата... но меня всё равно пытались в неё впихнуть...

Закончив, Трус Ду и сам не понял, насколько убедительно это прозвучало, поэтому лишь украдкой покосился на дядю. Тот сидел неподвижно, его лицо оставалось бесстрастным, но в глубине глаз мелькнуло странное выражение. Спустя мгновение Гу Ли вдруг коротко усмехнулся.

— Чего застыл? Садись.

Юньтин, пытаясь разгадать смысл этой усмешки, осторожно примостился за столом.

Весь завтрак он вёл себя тише воды, ниже травы, лишь усердно подкладывая еду в тарелку мужчины.

Тот бросил на него быстрый взгляд, но промолчал, безропотно съедая всё, что ему предлагали. Юньтин смотрел, как Гу Ли пережёвывает брокколи, и чувствовал, как у него самого необъяснимо слабеют ноги — словно это его сейчас кусали и проглатывали.

Днём на имя главы Гу пришла посылка.

Ду Юньтин сам побежал её забирать. Вскрыв коробку, он обнаружил там диск. Одолжив ноутбук у господина Гу, он радостно хлопнул в ладоши:

— Не хватает только одной детали.

Сяо Лю не успела и глазом моргнуть, как хост уже притащил тарелку с семечками.

[...]

Такие зрелищные кадры следовало смотреть исключительно под хруст семечек. Ду Юньтин, усевшись по-турецки на полу, с истинным наслаждением принялся за просмотр. На экране Сяо Пиннань вопил от боли так, что сердце радовалось. Массовка, решив, что всё должно быть по-настоящему, не жалела сил. К тому же подонок оказался личностью весьма сомнительных моральных качеств: когда его начали бить, он тут же принялся изрыгать проклятия, поминая всех предков нападавших до восьмого колена.

Разумеется, «актерам» это не понравилось. Люди пришли честно отработать гонорар, рассчитывали на спокойное сотрудничество... А тут какой-то выскочка кроет их матом!

В результате удары стали куда более натуральными. Нанятые самим Пиннанем люди стояли в сторонке с выражением крайнего недоумения на лицах, наблюдая за этим «представлением» как за цирковым номером.

Разве они не должны были разыграть «спасение красавца»? Почему же его молотят по-настоящему?

Запись закончилась на том, как толпа разошлась, оставив побитого мерзавца в одиночестве ковылять прочь. Ду Юньтин остался крайне доволен увиденным и твёрдо решил доплатить режиссёру.

Ракурсы были выбраны просто идеально.

[Ты не боишься, что он отомстит? — обеспокоенно спросила Двадцать восемь]

«Кто отомстит? — Юньтин на мгновение задумался. — А, ты про того идиота? Он?»

Он усмехнулся и покачал головой.

«Я боюсь только того, что он не попытается»

Система не понимала его логики.

«Ты слишком высокого мнения о его проницательности, — принялся поучать её Юньтин. — Люди, которые живут одними манипуляциями, никогда не вкладывают в это душу»

Сяо Пиннань до сих пор не заметил, что его покорный любовник сменил «начинку». Он по-прежнему считал его тем самым Чэнь Юаньцином, из которого можно вить верёвки. Он слишком долго контролировал А-Цина; стадия «эмоционального насилия» убедила его, что жертва окончательно заглотила наживку. Когда человек уверен, что перед ним безвольная овечка, готовящаяся послушно идти за пастухом, ему и в голову не придёт, что овечка-то уже давно волк.

«К тому же, — Юньтин продемонстрировал телефон, — я ведь вчера отправил ему сообщение»

Сяо Лю едва не задохнулась от возмущения.

Те сообщения... Она в жизни не видела ничего более небрежного и фальшивого.

Сяо Пиннань лишь после того, как экзекуция закончилась, заметил, что экран его телефона светится. Одно за другим шли сообщения от Чэнь Юаньцина, написанные в явной спешке:

[Пиннань, ты в порядке?]

[Пиннань, ответь, как увидишь!]

[Я нашёл помощь, скоро вернусь и вызволю тебя! Держись, во что бы то ни стало!]

Лицо Пиннаня потемнело; он едва не швырнул телефон в стену.

Он никак не мог взять в толк, почему всё пошло наперекосяк. Живот нещадно саднило — манипулятор знал, что там наверняка расплылся огромный багряный кровоподтёк.

Он ведь следовал каждому пункту, которому его обучил наставник. Почему же всё закончилось этим позором?

Неужели ему просто фатально не повезло наткнуться на настоящих грабителей?

Стиснув зубы и держась за бок, он с трудом преодолел несколько шагов. Домой идти было нельзя: там сидели родители, которые тут же засыпали бы его вопросами и принялись отчитывать за nepотpeбный вид. У него не было сил возиться со стариками, поэтому он поймал такси и поехал напрямиком к дому Чэнь Юаньцина.

Но дверь ему никто не открыл.

Остатки самообладания Пиннаня сменились глухой яростью.

— Чэнь Юаньцин! — Он принялся неистово колотить в дверь. — Чэнь Юаньцин, выходи немедленно!

— Юаньцин!!!

Он в бессилии опустил руки и впервые забыл о своём образе благородного богача. Сквозь зубы вырвалось злобное:

— Мать твою...

Ду Юньтин назначил переезд на сегодня. Он сказал Гу Ли, что ему нужно забрать кое-какие вещи, и попросил одолжить машину.

— Дядя, сможешь мне с вещами?

Мужчина вынул изо рта недокуренную сигарету и молча последовал за ним.

Когда они подъехали к дому, уже начало смеркаться. Стоило Юньтину выйти из машины, как из зарослей кустарника у входа в подъезд вынырнула тень. Лицо Сяо Пиннаня было мрачнее грозовой тучи.

— А-Цин.

Гу Ли тоже заметил его. Увидев следы побоев на лице незнакомца, он слегка нахмурился.

Маленький племянник с притворным испугом захлопнул дверцу и бросился навстречу.

— Пиннань? Как ты...

Словно опасаясь чего-то, он попытался оттащить его в сторону.

— Давай отойдём, поговорим.

Но Пиннань уже успел рассмотреть автомобиль — тот самый «Майбах». В прошлый раз он не придавал этому значения, решив не задавать лишних вопросов, но теперь, когда Чэнь Юаньцин снова вышел из этой машины, в его душе вскипела желчь.

— Кто этот человек? — сквозь зубы процедил он.

Юноша уклонился от ответа, продолжая тянуть его к кустам:

— Тише, прошу тебя...

— Я спрашиваю: кто он такой?!

Голос Пиннаня внезапно сорвался на крик.

«Майбах». Он видел его в прошлый раз. Чэнь Юаньцин вышел с заднего сиденья, а впереди сидел водитель. Настоящая роскошь, личный шофёр... Этот человек, в отличие от него самого, был по-настоящему богат. Ревность и зависть ядовитой кислотой жгли нутро манипулятора.

— Чэнь Юаньцин, ты что, совсем страх потерял? Думаешь, ты кому-то нужен, кроме меня? Да на тебя без моей помощи никто и не взглянет! Ты мне даже за руку подержаться не давал, а сам раздвигаешь ноги перед этим мужиком за деньги? Да?!

Брови Гу Ли сошлись на переносице. Он рывком распахнул дверь машины. В глазах Ду Юньтина заблестели слёзы.

— Пиннань, что ты такое говоришь...

— Что говорю? А ты разве сам не знаешь? — Пиннань злорадно усмехнулся. — Где ты пропал всю прошлую ночь? Валялся под этим богатеем?

Юноша, словно не веря своим ушам, медленно отступил на шаг, качая головой.

— Пиннань, ты ведёшь себя просто безумно...

— Это я безумец? — Ярость подонка вспыхнула с новой силой. Он шагнул вперёд и мертвой хваткой вцепился в запястье Чэнь Юаньцина. На руке юноши больше не было дешёвой красной нити с золотым поросёнком — её сменил полупрозрачный, чистейший нефритовый браслет, цена которого была баснословной. Это стало последней каплей. Пиннань вскинул руку для удара.

В тот же миг юноша резко качнулся назад. Ладонь агрессора лишь скользнула по воздуху, и, по инерции подавшись вперёд, он задел плечо Юньтина. Это выглядело так, словно он со всей силы толкнул его.

Ду Юньтин, картинно охнув, повалился на землю, подвернув лодыжку.

Сяо Пиннань на секунду замер, но страха не почувствовал. Он ведь уже перешёл к третьей стадии — ловушке эмоционального насилия. Он и раньше устраивал сцены из-за того, что А-Цин якобы «бесплоден» или «плохо готовит», хлопал дверями и швырял вещи. Случалось, что и пощёчины летали. Он был уверен: жертва так боится его гнева и разрыва, что сейчас сама приползёт извиняться.

Мерзавец уже собирался выдать тираду о расставании, как вдруг почувствовал резкую боль под коленом. Кто-то мощным ударом сбил его с ног; от боли он мгновенно скрючился на земле.

На лице Ду Юньтина, залитом слезами, отразилось отчаяние.

— Дядя... — всхлипнул он.

<http://bllate.org/book/15364/1372877>